

На правах рукописи

МИРОНЮК Сергей Алексеевич

**ИНТЕРВЕНЦИЯ В РОССИЮ В ПОЛИТИЧЕСКИХ
ДИСКУССИЯХ ПРАВЯЩИХ КРУГОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
(1917–1919 гг.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Москва – 2021

Работа выполнена на кафедре истории России
Федерального государственного автономного образовательного учреждения
высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**Научный
руководитель:**

КОРНОУХОВА Гадила Гизатуллаевна
кандидат исторических наук

**Официальные
оппоненты:**

ГАГКУЕВ Руслан Григорьевич
доктор исторических наук,
Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт российской истории
Российской академии наук, ведущий научный
сотрудник Центра военной истории России

ПОРШНЕВА Ольга Сергеевна
доктор исторических наук, профессор,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «Уральский федеральный
университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина»,
заведующий кафедрой теории и истории
международных отношений

ЦВЕТКОВ Василий Жанович
доктор исторических наук, профессор,
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Московский педагогический
государственный университет», профессор
кафедры новейшей отечественной истории

Защита состоится «___» _____ 2021 г. в _____ часов на заседании
диссертационного совета ПДС 1000.005 при Российском университете
дружбы народов по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2,
ауд. 415.

С диссертацией можно ознакомиться в УНИБЦ (Научная библиотека)
Российского университета дружбы народов по адресу: 117198, г. Москва, ул.
Миклухо-Маклая, д. 6.

Автореферат разослан «___» _____ 2021 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

 Е.В. Кряжева-Карцева

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена сложностью международной ситуации, в которой в настоящее время находится Российская Федерация. Современный уровень межгосударственных отношений РФ со странами Запада характеризуется усилением политики «сдерживания», в рамках которой, как и сто лет назад, в отношении России осуществляются попытки выстраивания заградительного «кордона». Эта политика реализуется посредством ведения активной антироссийской пропаганды в пограничных с РФ государствах и оказания им значительной военно-технической и финансовой поддержки. Такая внешнеполитическая линия оказалась близка подходам, разработанным еще в годы иностранной интервенции в Советской России и по ее завершении, и которые сохраняют свою актуальность по настоящее время.

Поскольку интервенция носила международный характер, важно провести специальное исследование истории участия различных стран в этой операции, особенно тех, чья роль оказалась наиболее значимой. В этой связи участие Великобритании в иностранной интервенции в Россию заслуживает дополнительного изучения, в том числе, на основе анализа политических дискуссий британских правящих кругов, отраженных в официальных документах правительства Соединенного Королевства, которые в настоящей работе рассматриваются наряду с документами советского правительства, Антанты, а также рядом других неисследованных источников. Кроме того, англо-саксонский стержень Североатлантического альянса, инициатором создания которого выступила после Второй мировой войны Великобритания, дополнительно актуализирует обращение к проблеме участия этого государства в иностранной интервенции, развернувшейся на территории Советской Республики после ее выхода из Первой мировой войны.

Актуальность темы состоит также в необходимости изучения расхождений во взглядах на интервенцию в Советскую Россию в правящих кругах Великобритании, в выявлении специфики их взглядов на мотивацию и целеполагание интервенции, предлагаемых ими практических решений, направленных на защиту национальных интересов своей страны. Это позволяет отделить позицию частных лиц от официальных решений в вопросах интервенции, что свидетельствует как о научной, так и практической значимости, которая до настоящего времени не исследована.

Без исследования вопросов роли стран Антанты в интервенции в Советскую Россию, включая Великобританию, нельзя воссоздать полную картину истории интервенции, степень влияния на эти события отдельных иностранных государств, выявить политический, дипломатический и военный инструментарий их воздействия на события в России. Следовательно, изучение иностранной интервенции в России и роли в ней Великобритании с привлечением нового комплекса архивных документов британского правительства способствует значительному расширению и углублению источниковой базы исследования интервенции и может дать ключ к пониманию некоторых современных проблем, существующих в отношениях между Россией и западными странами.

Степень разработанности темы исследования. Весь комплекс работ по рассматриваемой проблеме условно можно разделить на две группы: 1) общие работы по истории Гражданской войны и иностранной интервенции; 2) специальные работы по истории британской интервенции в Россию.

Что касается *первой группы*, то уже на начальном этапе складывания советской историографии стали появляться исследования, в которых поднимались вопросы о мотивации, целеполагании и формах интервенции ведущих стран Европы и США в Россию. Преобладающей в это время была точка зрения М.Н. Покровского. В очерке «Внешняя политика России в XX веке» он разделил период интервенции на время попыток восстановления Восточного фронта и время борьбы с большевизмом. В качестве мотивов он обозначил в первом случае заинтересованность союзников в удержании России в войне, во втором – необходимость преодоления странами Антанты страха объединения Советской России с Германией против них после немецкой революции в ноябре 1918 г. и разгрома большевизма как «всемирной болезни». М.Н. Покровский считал, что интервенция носила первоначально антигерманский характер. После Ноябрьской революции в Германии она стала по нарастающей приобретать антибольшевистскую направленность¹. Таким образом, М.Н. Покровский предпринял попытку периодизации интервенции и трактовал ее как динамичный процесс, мотивы и цели которого менялись по мере его развития.

М.Ю. Левидов, А.И. Анишев, Е.Е. Якушкин и И.И. Минц придерживались иного мнения. С их точки зрения, вне зависимости от происходящего в мире, интервенция с самого начала имела целью уничтожение пролетарского государства, восстановление капитализма в России и установление контроля над российской территорией².

В 1930-е гг. усилилось движение в сторону единой позиции советских историков: происходила выработка концепции, в соответствии с которой «империалистический Запад» целенаправленно боролся с большевистским правительством как носителем коммунистической идеологии, стремясь реставрировать буржуазно-помещичий строй³.

В период «холодной войны» господствовавшей оставалась концепция 1930-х гг. В 1950-е гг. происходило укрепление выработанных ранее позиций по вопросу иностранной интервенции в России. Тогда в свет вышли третий и четвертый тома «Истории гражданской войны в СССР»⁴. Красной нитью через все издание проходит утверждение, что «в социалистической революции

¹ Покровский М.Н. Внешняя политика России в XX веке. М., 1926. С. 79, 86–87.

² Левидов М.Ю. К истории союзной интервенции в Россию. Л., 1925. Т. 1. С. 3-5, 173-181; Анишев А.И. Очерки истории гражданской войны 1917–1920 гг. Л., 1925. С. 124; Якушкин Е.Е. Колчаковщина и интервенция в Сибири. М.-Л., 1928. С. 3-4; Минц И. К десятилетию неудачи интервенции // Историк-марксист. 1929. № 11. С. 83–99.

³ Миллер Ф. Брестский мир и Антанта // Историк-марксист. 1933. № 1. С. 111–126; Рейхберг Г. К истории интервенции на Дальнем Востоке. М., 1934; Он же. Подготовка интервенции. Антанта и заговор Локкарта. 1918 год // Исторический журнал. 1938. № 12. С. 76–83; Он же. Из истории разгрома иностранной военной интервенции на Севере Советской России // Там же. 1940. № 3. С. 42–52; Гуковский А. Разгром Германии и подготовка стран Антанты против страны Советов // Историк-марксист. 1937. № 3 (061). С. 42–61.

⁴ История гражданской войны в СССР. М., 1958. Т. 3; Там же. М., 1959. Т. 4.

империалисты увидели смертельную угрозу всей капиталистической системе» и прилагали огромные усилия к тому, чтобы «задушить» большевистскую идеологию, восстановить капитализм в России, расчленив ее и превратить в колонию⁵.

В рамках таких подходов иностранная интервенция изучалась вплоть до конца 1980-х гг.⁶ В этот период советские историки работали с ограниченным корпусом исторических источников, в основном отечественного происхождения, и имели ограниченный доступ к зарубежным исследованиям и источникам.

В 1990-е гг. произошло освобождение исторической науки от монопольного положения марксистско-ленинской методологии, что привело к появлению альтернативных точек зрения на историю Гражданской войны и интервенции.

Одновременно в постсоветской историографии наблюдалось расширение исследовательской тематики. В работах Ю.А. Полякова, П.А. Шевоцукова, Ю.И. Игрицкого происходило переосмысление понятия «гражданская война», ее хронологических рамок, политической оценки противоборствующих сторон⁷.

На фоне признания ограниченности потенциала марксистско-ленинской методологии происходило усиление общей антропологической ориентации исторического знания. Особое место в научной литературе о войнах заняли исследования, созданные в рамках военно-исторической антропологии, где ключевая роль в разработке основ теории, методологии и методов принадлежит Е.С. Сенявской⁸. Данное научное направление нашло отражение также в работах, связанных с изучением Первой мировой и Гражданской войн в России. В частности, исследователи В.П. Булдаков, А.Я. Лившин, О.С. Поршнева посвятили свои работы изучению особенностей массовой психологии населения в условиях мировых войн и гражданского вооруженного противостояния, влиянию на психологию человека практики насилия как общего наследия военных конфликтов⁹.

В современной отечественной историографии также активно разрабатывается история Белого движения, включая формирование и

⁵ История гражданской войны в СССР. М., 1958. Т. 3. С. 42–43, 291.

⁶ *Кадисhev А.Б.* Интервенция и гражданская война в Закавказье. М., 1960; *Супруненко Н.И.* Очерки истории гражданской войны и иностранной военной интервенции на Украине (1918–1920). М., 1966; *Соловьев О.Ф.* Подготовка и начало интервенции против Советской России // Вопросы истории. 1967. № 7. С. 38–53; Крах первого нашествия империалистов на страну Советов. М., 1973; *Кузьмин Г.В.* Разгром интервентов и белогвардейцев в 1917–1922 гг. М., 1977; *Лившиц С.Г.* Империалистическая интервенция в Сибири в 1918–1920 гг. Барнаул, 1979; *Светачев М.И.* Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Новосибирск, 1983; Антисоветская интервенция и ее крах, 1917–1922. М., 1987.

⁷ *Поляков Ю.А.* Гражданская война в России: возникновение и эскалация // Отечественная история. 1992. № 6. С. 32–41; *Шевоцуков П.А.* Страницы истории гражданской войны: Взгляд через десятилетия. М., 1992; *Игрицкий Ю.И.* Гражданская война в России: императивы и ориентиры переосмысления // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 55–70.

⁸ *Сенявская Е.С.* Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 5–22; *Она же.* Человек на войне, или тернистый путь от военной истории к военной антропологии // Исторический вестник. 2018. Т. 24. С. 10–43; и др.

⁹ *Булдаков В.П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., РОССПЭН. 1997; *Лившин А.Я.* Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М., 2010; *Поршнева О.С.* Эволюция представлений о союзниках в массовом сознании революционной России 1917 // Уральский исторический вестник. 2014. № 1 (42). С. 43–52; и др.

деятельность антибольшевистских правительств на территории России. В этом контексте важное значение имеют труды А.В. Смолина, В.Ж. Цветкова, В.Д. Зиминной, Р.Г. Гагкуева и других авторов, анализирующих идеологию Белого движения, проблемы военного строительства белых армий, характер социально-экономической деятельности белых правительств¹⁰.

Особое внимание специалисты по Гражданской войне уделяют также проблемам отношений руководителей Белого движения со странами Антанты¹¹. В монографии Р.Г. Гагкуева «Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав», в частности, рассматривается политика взаимодействия представителей Белого движения со странами Антанты по вопросам возвращения российских военнопленных для комплектования Добровольческой армии и Всероссийских сил Юга России, что «так и не было налажено: никакой централизованной отправки пленных на Юг России не состоялось»¹².

В.Ж. Цветков в монографии «Белое дело в России: 1917–1919 гг.», рассматривая внешнюю политику Белого движения и отношения его руководителей со странами-участницами интервенции, дает оценку интервенции с учетом развития динамики событий в мире. Автор отмечает, что на первом этапе она характеризовалась как помощь в восстановлении Восточного «антигерманского» и одновременно «антибольшевистского» фронта. На втором этапе (после заключения Компьенского перемирия) целесообразность интервенции отпала. Что касается Великобритании, то дольше всего сохранялась такая форма ее участия в интервенции, как помощь Белому движению¹³.

Современные специалисты в области истории иностранной интервенции, говоря о ее начальном этапе, обращают внимание на то, что широкомасштабную оккупацию территорий бывшей Российской империи осуществляли страны Центральных держав в то время, как страны Антанты вели переговоры с большевистским правительством для организации совместных действий против Германии и ее союзников.

При этом, по мнению Н.Е. Быстровой, идея интервенции по «приглашению» была привлекательна и для советской стороны в связи с вопросом об организации

¹⁰ *Смолин А.В.* Белое движение на Северо-Западе России 1918–1920 гг. (Формирование. Борьба. Крушение). Автореферат дисс. ... доктора исторических наук. СПб., 1995; *Цветков В.Ж.* Белые армии Юга России. М., 2000; *Зимина В.Д.* Белое дело взбунтовавшейся России: Политические режимы Гражданской войны 1917–1920 гг. М., 2006; *Гагкуев Р.Г.* Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012; *Карпенко С.В.* Налоговая политика белых правительств на Юге России в 1919–1920 гг. // Экономический журнал. 2011. № 4 (24). С. 111–121; *Кошечкина Е.А.* О деятельности антибольшевистских правительств в годы Гражданской войны в России // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. 2019. Т. 4. № 2. С. 22–26; и др.

¹¹ *Мусаев В.И.* Белое движение на Северо-Западе России в 1919 году и политика Великобритании: дисс. ... канд. истор. наук. СПб., 1993; *Плотников И.Ф.* Александр Васильевич Колчак. Жизнь и деятельность. Ростов-на-Дону, 1998; *Козлов А.И.* Жизнь и судьба русского генерала Антона Ивановича Деникина // РЭГ. № 22-23 [28-29]. 1999. URL: <http://militera.lib.ru/bio/kozlov/01.html> (дата обращения: 20.10.2020).

¹² *Гагкуев Р.Г.* Белое движение на Юге России... С. 176.

¹³ *Цветков В.Ж.* Белое дело в России: 1917–1919 гг. М., 2019. С. 812–813, 878–879.

защиты от немецкой агрессии и удержанием власти¹⁴. При этом автор указывает на отсутствие у союзников убежденности в необходимости свержения большевиков и на то, что интервенция была скорее средством давления на большевиков с целью заставить вести переговоры на условиях Антанты, чем инструментом изменения политического строя¹⁵.

Свой вклад в изучение вопросов интервенции внесли представители русской эмиграции, в частности, С.П. Мельгунов¹⁶, А.А. Зайцов¹⁷, Н.Н. Головин¹⁸. По их мнению, страны-участницы интервенции участвовали в российских событиях, исходя из собственных интересов. Данная группа авторов считала, что причиной операции стала переброска немецких войск с Восточного на Западный фронт, а ее цели носили военный характер: восстановление Восточного фронта и защита от Германии военных складов в российских портах.

В зарубежной историографии иностранная интервенция в Россию представлена в основном работами англо-американских авторов. Они отличаются многообразием и даже полярностью точек зрения. Основные дискуссии зарубежных авторов развернулись по вопросу о том, была ли интервенция инструментом борьбы против большевизма и его идеологии. В этом контексте были представлены две противоположные точки зрения.

Часть авторов, среди которых были У. Гуд¹⁹, У. и З. Коутсы²⁰, Дж. Уайт²¹, Дж. Альберт²², Дж. Светтенхем²³ и Дж. Бредли²⁴, указывала на экспансионистский характер большевизма и трактовала интервенцию как средство противодействия намерениям большевистского правительства установить в Европе пробольшевистские режимы военными методами.

Другую точку зрения представляли такие исследователи, как Р. Джексон²⁵, М. Хадсон²⁶ и Я. Моффат²⁷, которые отрицали антибольшевистскую, идеологическую заостренность политики интервенции, а ее начало связывали с выходом России из Первой мировой войны и страхом стран Антанты перед возможной эксплуатацией Германией территории бывшей Российской империи. По мнению авторов, операция не имела целью свержение советского строя и, наоборот, допускала возможность сотрудничества с правительством В.И. Ленина в борьбе против Германии. Логичным в связи с этим было то, что интервенция начала сворачиваться после подписания Компьенского перемирия.

¹⁴ Быстрова Н.Е. «Русский вопрос» в 1917 – начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. М., 2016. С. 154–155.

¹⁵ Там же. С. 222.

¹⁶ Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Белград, 1930.

¹⁷ Зайцов А.А. 1918: Очерки истории русской гражданской войны. [Б. м.], 1934.

¹⁸ Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Ревель, 1937.

¹⁹ Goode Wm.T. Is Intervention in Russia a Myth. London, 1931.

²⁰ Coates W.P., Coates Z.K. Armed Intervention in Russia, 1918–1922. London, 1935.

²¹ White J. The Siberian Intervention. Princeton, 1950.

²² Albert J. The Siberian Intervention. Princeton, 1950.

²³ Swettenham J. Allied Intervention in Russia and the Part Played by Canada. London, 1966.

²⁴ Bradley J.F.N. Allied Intervention in Russia, 1917–1920. New York, 1968.

²⁵ Jackson R. At War with the Bolsheviks: Allied Intervention into Russia, 1917–1920. London, 1972.

²⁶ Hudson M. Intervention in Russia, 1918–1920: a Cautionary Tale. Barnsley, South Yorkshire, 2004.

²⁷ Moffat I. Allied Intervention in Russia, 1918–1920: the Diplomacy of Chaos. London, 2015.

Вторая группа работ включает исследования по истории британской интервенции в Россию. Специализированные работы, посвященные рассмотрению интервенции Великобритании в России и в ее отдельных регионах, широко представлены трудами советских исследователей межвоенного периода²⁸.

Главным защищавшимся в них тезисом о целях британской интервенции было уничтожение неприемлемой для Великобритании пролетарской модели управления в России. Другие версии, например, восстановление Восточного фронта, возвращение российских долгов банкам Соединенного Королевства, выплата компенсаций британским держателям российских акций и облигаций, реституция частной собственности британцев в России, захват богатых территорий бывшей Российской империи, являлись всего лишь производными указанной цели.

Академик И.И. Минц в книге «Английская интервенция и северная контрреволюция» подчеркивал, что Великобритания являлась гегемоном среди союзников. Она стала главным инициатором вторжения на Север России и сыграла ключевую роль в событиях 1918–1919 гг. Декларируемой причиной ее участия в интервенции выступало стремление сохранить русские армии на фронте и заставить Россию выполнять свои военные обязательства. Но, по мнению автора, действительной причиной являлась социалистическая революция в России²⁹.

После Великой Отечественной войны произошло смещение акцентов в изучении интервенции, поскольку в условиях американо-советского противостояния в начальный период «холодной войны» ключевая роль организатора интервенции перешла от Великобритании к США. В этой связи британская интервенция в послевоенных работах стала рассматриваться сквозь призму обсуждения политическими кругами Великобритании на Парижской мирной конференции «русского вопроса». Это было наглядно проиллюстрировано в работах И.М. Лемин³⁰, Б.Е. Штейна³¹ и Г.Е. Мымрина³², отмечавших единство интервентов в их замыслах против РСФСР: свержении советской власти, возвращении активов, расчленении России и превращении страны в колонию.

Однако как между странами-участницами интервенции, так и в среде политических элит существовали разногласия в понимании сроков и масштабов интервенции. В частности, И.М. Лемин выделял две политические группировки в британской элите. Первая во главе с госсекретарем по военным делам У. Черчиллем и лидером Палаты лордов Дж. Керзоном состояла из сторонников

²⁸ Павлович М.П. Советская Россия и капиталистическая Англия (от эпохи царизма до правительства Чемберлена-Болдуина 1925 г.). М., 1925; Яковлев Н.Н., Полунин С. Английская интервенция в 1918–1920 гг. М.-Л., 1928; Иоэльсон М.Ф. Роль Англии в подготовке интервенции против СССР // Мировое хозяйство и мировая политика. 1931. № 6. С. 55–64; Минц И.И. Английская интервенция и северная контрреволюция. М.-Л., 1931; Пригожин А. Рабочий класс Англии в борьбе с интервенцией // Борьба классов. 1933. № 1. С. 39–54.

²⁹ См.: Минц И.И. Английская интервенция и северная контрреволюция. М.-Л., 1931. С. 17–26, 170–172.

³⁰ Лемин И.М. Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно. 1919–1925 гг. М., 1947.

³¹ Штейн Б.Е. Внешняя политика СССР 1917–1923 гг. М., 1945; *Он же*. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.). М., 1949.

³² Мымрин Г.Е. Разгром англо-американской военной интервенции на Севере (1918–1920 гг.). Архангельск, 1949; *Он же*. Англо-американская военная интервенция на Севере и ее разгром: (1918–1920 гг.). Архангельск, 1953.

широкой интервенции. Во вторую входили сторонники ограниченной интервенции во главе с премьер-министром Великобритании Д. Ллойд Джорджем³³.

В 1960–1980-е гг. в отечественной историографии оценка Великобритании в качестве главного организатора интервенции в России сохранялась³⁴. В этот период вышли труды В.Г. Трухановского, в которых подчеркивались активная роль Великобритании в интервенции и противоборство интересов внутри британского Кабинета министров, где основным апологетом крупномасштабной интервенции выступал У. Черчилль³⁵.

Знаковой стала также работа Ф.Д. Волкова «Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит», в которой рассмотрены основные проблемы англо-советских отношений в 1917–1939 гг. Она была написана с использованием уникальных для того времени материалов британского правительства и англоязычной прессы. Автор сосредоточил основное внимание на британских геополитических устремлениях, связанных с ослаблением России и ее разделением в соответствии с собственными интересами на Дальнем Востоке, в Средней Азии, Персии, Турции и Афганистане³⁶.

В период перестройки выходит коллективная монография Н.Г. Думовой и В.Г. Трухановского с обширными сведениями о военно-технической и финансовой помощи Великобритании Белому движению, деятельности общественного движения «Руки прочь от России!». Авторы также считали, что участие Великобритании имело не антигерманскую, а преимущественно антироссийскую мотивированность, направленную на расчленение страны и усиление за счет этого своих геополитических позиций³⁷.

С 1990-х гг. тема британской интервенции оказалась в центре внимания специалистов по истории Первой мировой войны и участия в ней России. В этой связи особый интерес для настоящего исследования представляют работы А.И. Уткина, в которых показаны сложные взаимоотношения и соперничество между странами-участницами интервенции³⁸.

В монографии А.В. Голубева и О.С. Поршневой «Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн» анализируется, в частности, образ Великобритании, который менялся в зависимости от актуальной политической ситуации в России и британской политики в отношении нее в годы Первой мировой войны. По мнению авторов, Соединенное Королевство и другие бывшие союзники России по Антанте организовали вооруженную интервенцию против советского государства под предлогом «недопущения использования Германией российских ресурсов и запасов вооружений, необходимости доведения

³³ Лемин И.М. Внешняя политика Великобритании... С. 222.

³⁴ История внешней политики СССР. 1917–1976: в 2-х т. Т. 1. М., 1976. С. 73.

³⁵ Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма. (1919–1939 гг.). М., 1962; *Он же*. Уинстон Черчилль. М., 1968.

³⁶ Волков Ф.Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М., 1980. С. 51.

³⁷ Думова Н.Г., Трухановский В.Г. Черчилль и Милоков против Советской России. М., 1989. С. 27.

³⁸ Уткин А.И. Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. Смоленск, 2000; *Он же*. Унижение России. Брест, Версаль, Мюнхен. М., 2004; *Он же*. Первая мировая война. М., 2013.

войны до победного конца <...> с целью установления “действительного контроля над развитием русской внешней политики”³⁹. После Гражданской войны Великобритания представлялась страной, игравшей главную роль в интервенции⁴⁰.

Другая группа авторов исследует проблему интервенции в контексте истории советской дипломатии⁴¹. Так, по мнению Е.Ю. Сергеева, интервенция рассматривалась британской элитой не только как способ противоборства с Германией, но и как средство закрепления за своей страной сфер влияния на территориях бывшей Российской империи⁴².

Также история британской интервенции затрагивается в диссертационных исследованиях последних лет. В частности, в работе О.В. Василенковой «Англо-советские отношения в 1918–1924 гг.» изучался процесс становления отношений между Великобританией и Россией в послеоктябрьский период и его движущие факторы⁴³. В диссертационном исследовании С.Н. Ланцева «Политические дискуссии в Великобритании об англо-русских отношениях в 1914–1920 годах» анализируются детально двусторонние отношения, в контексте которых рассматривается позиция британских политических партий по вопросу осуществления интервенции в Советскую Россию. Исследователь выделил два основных направления: консервативное и либерально-лейбористское. Представители первого заняли жесткую позицию по вопросу осуществления интервенции; вторые выступили за более взвешенную политику. Автор рассматривает в своей работе перипетии парламентских дебатов, выявляет внутренние расколы в партиях. Исследователь справедливо признает, что в английской и отечественной историографии отсутствует единое мнение об истинных причинах интервенции. При этом и сам автор не дает четкого ответа на данный вопрос⁴⁴.

В зарубежной, как и в отечественной историографии, британская интервенция рассматривалась в контексте крупных исследовательских тем: Великой российской революции 1917 г. (У. Чемберлен⁴⁵, Р. Уорт⁴⁶, Р. Пайпс⁴⁷);

³⁹ Голубев А.В., Поршинева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2011. С. 208.

⁴⁰ Там же. С. 219, 306.

⁴¹ Нежинский Л.Н. В интересах народа или вопреки им?: советская международная политика в 1917–1933 гг. М., 2004; Шишкин В.А. Становление внешней политики постреволюционной России (1917–1930 гг.) и капиталистический мир: от революционного «западничества» к национал-большевизму. СПб., 2006.

⁴² Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане: советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. Санкт-Петербург, 2019. С. 11–95.

⁴³ Василенкова О.В. Англо-советские отношения в 1918–1924 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Владимир, 2007.

⁴⁴ Ланцев С.Н. Политические дискуссии в Великобритании об англо-русских отношениях в 1914–1920 годах. Дисс. ... канд. ист. наук. Брянск, 2016. С. 155.

⁴⁵ Chamberlin W.H. The Russian Revolution, 1917–1921: in 2 vol. New York, 1935.

⁴⁶ Warth R. The Allies and the Russian Revolution: From the Fall of the Monarchy to the Peace of Brest-Litovsk. Durham, N.C., 1954.

⁴⁷ Pipes R. Russia under the Bolshevik regime, 1919–1924. New York, 1994; Engelstein L. Russia in Flames: War, Revolution, and Civil War, 1914–1921. New York, 2018.

внешней политики Великобритании (Р. Арнот⁴⁸, М. Фрай⁴⁹); советско-британских отношений (Р. Уллман⁵⁰, К. Кибл)⁵¹; взаимоотношений стран Антанты и их союзников с РСФСР (Дж. Кеннан⁵², М. Кеттл⁵³). Что касается непосредственно темы британской интервенции в России, то она рассматривалась в качестве отдельного исследовательского предмета в значительно меньшей степени. Этой темой занимались Р. Селлен⁵⁴, К. Кинвиг⁵⁵ и Д. Райт⁵⁶.

Вышеназванные исследователи, рассматривавшие британскую интервенцию непосредственно или в рамках более широких тем, связывали ее начало с подписанием Брест-Литовского мирного договора и понимали ее как превентивную военную меру против Германии. Исходя из этого, цель интервенции заключалась в том, чтобы воспрепятствовать возможности Германии извлекать выгоды от использования ею территории бывшей Российской империи для достижения победы в войне и закрепления господствующего положения на ее территории.

Что касается внешнеполитической линии Великобритании в отношении России, то в правительстве и парламенте этот вопрос активно дискутировался. В этой связи Р. Уллман подчеркивал, что военное министерство Соединенного Королевства периодически утверждало, что, если Восточный фронт не будет восстановлен, победа на западе станет невозможной⁵⁷. Р. Пайпс также в качестве основной цели интервенции называл восстановление Восточного фронта⁵⁸.

К. Кибл отмечал, что политика британской стороны в период 1917–1919 гг. подвергалась изменениям в зависимости от ситуации в мире и России. Интервенция, с его точки зрения, стала результатом двух обстоятельств: войны с Германией и Брестского мира, – и ее целесообразность отпала в связи с окончанием Первой мировой войны⁵⁹.

Анализ российской и зарубежной историографии показывает, что к настоящему времени среди исследователей отсутствует консолидированная позиция относительно сущности и характерных черт интервенции. Особенно большой разброс мнений существует в вопросах об основных мотивах и целях интервенции. Большинство авторов не учитывало в своих работах динамику развития событий и ее влияние на политику интервенции, а также дискуссии по этому вопросу в военных и политических кругах Великобритании. Нечетко

⁴⁸ *Arnot R.P.* British Foreign Policy. London, 1935.

⁴⁹ *Fry M. G.* Lloyd George and Foreign Policy. Montreal, 1977.

⁵⁰ *Ullman R.H.* Anglo-Soviet Relations, 1917–1921: in 3 vol. Princeton New Jersey, 1961–1972.

⁵¹ *Keeble C.* Britain and the Soviet Union, 1917–89. Basingstoke (Hants.); London, 1990.

⁵² *Kenan G.F.* The Soviet-American relations, 1917–1920: in 2 vol. Princeton, New Jersey, 1956–1958.

⁵³ *Kettle M.* Russia and the Allies 1917–1919: in 3 vol. 1981–1992.

⁵⁴ *Sellen R.W.* The British Intervention in Russia, 1917–1920: I // *Dalhousie Review*. 1960. Vol. 40. P. 360–371; *Sellen R.W.* The British Intervention in Russia, 1917–1920: II // *Dalhousie Review*. 1961. Vol. 40. P. 520–531.

⁵⁵ *Kinwig J.Cl.* Churchill's Crusade: The British Invasion of Russia 1918–1920. London, 2006.

⁵⁶ *Wright D.* Churchill's Secret War with Lenin: British and Commonwealth Military Intervention in the Russian Civil War, 1918–20. Solihul, 2017.

⁵⁷ *Ullman R.H.* Anglo-Soviet Relations, 1917–1921: in 3 vol. Vol. 1: Intervention and the War. Princeton (N. J.): Princeton Univ. Press, 1961. P. 330.

⁵⁸ *Pipes R.* Russia under the Bolshevik Regime 1919–1924. New York, 1994. P. 63.

⁵⁹ *Keeble C.* Britain and the Soviet Union, 1917–89. Basingstoke (Hants.); London, 1990. P. 29–61.

показана эволюция взглядов и позиций британских правящих кругов на политику интервенции; не получили должного обоснования факторы, влиявшие на принятие решений по данному вопросу. Также нет границы, разделяющей частные мнения политиков, выраженные в ходе дискуссий, и официальные решения британских властей. Все это делает необходимым дальнейшее исследование данной проблемы.

Объект исследования – иностранная интервенция в России (1917–1919 гг.).

Предмет исследования – политические дискуссии в правящих кругах Великобритании периода 1917–1919 гг. по вопросам интервенции в России. Под правящими кругами понимаются члены правительства и парламента Великобритании: премьер-министр; министры, государственные секретари и их заместители; лидеры Палаты лордов и Палаты общин; депутаты обеих палат парламента.

Хронологические рамки исследования охватывают период 1917–1919 гг. Нижняя граница определяется октябрьскими событиями Великой российской революции 1917 г. и началом Гражданской войны в России. Пришедшие к власти большевики возглавляли советское государство в рассматриваемый период и фактически являлись политической силой, влиявшей на внешнеполитическую ситуацию в мире и на решения, принимавшиеся британским правительством в вопросе выстраивания советско-британских отношений, в частности. Верхняя хронологическая граница связана с датой проведения Лондонской межсоюзной конференции (11–13 декабря 1919 г.), ознаменовавшей завершение военной интервенции и выработку дальнейшей союзной политики в отношении России.

Цель исследования – выяснить мотивацию и целеполагание британских политических кругов по вопросу участия Великобритании в иностранной интервенции в России в период 1917–1919 гг. с использованием ранее не привлекавшегося к исследованию крупного блока архивных материалов.

Для достижения поставленной цели в диссертации последовательно решаются следующие исследовательские задачи:

- ✓ рассмотреть процесс генезиса идеи интервенции в Россию в британских политических кругах в ноябре 1917 г. – марте 1918 г.;
- ✓ выделить исторические этапы обсуждения идеи интервенции и проанализировать содержание дискуссий по проблеме иностранной интервенции в Россию в британских правящих кругах с ноября 1917 г. по декабрь 1919 г.;
- ✓ реконструировать процесс перехода к практическому осуществлению политики интервенции в России в мае – августе 1918 г. и ее развитие в августе – декабре 1918 г.;
- ✓ раскрыть процесс принятия решения о завершении британской интервенции в Военном Кабинете министров на основе дискуссий в британских правящих кругах в январе – июле 1919 г.;
- ✓ воссоздать процесс принятия новой политики Великобритании в отношении России в августе – ноябре 1919 г.;

✓ раскрыть позицию Великобритании на Лондонской межсоюзной конференции по «русскому вопросу» в декабре 1919 г.

Источниковую базу данного исследования составляют неопубликованные и опубликованные источники.

В диссертации использованы архивные материалы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Национальном архиве Соединенного Королевства, архивах Государственного департамента США и британского парламента.

Исследование опирается на информацию четырех видов исторических источников.

В *первую группу* исторических источников входят внутренние и международные *нормативно-законодательные акты* Советской России, Великобритании и Антанты, включая Декрет Второго Всероссийского съезда Советов «О мире» (26 октября (8 ноября) 1917 г.)⁶⁰; «Условия Конвенции, согласованные в Париже 23 декабря 1917 г.»⁶¹; Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета «Об аннулировании государственных займов» (21 января (3 февраля) 1918 г.)⁶²; Брестский мирный договор (3 марта 1918 г.)⁶³; Декларация премьер-министров и министров иностранных дел стран Согласия в связи с заключением Брест-Литовского мирного договора (19 марта 1918 г.)⁶⁴; Германско-русский добавочный договор к Брестскому мирному договору (27 августа 1918 г.)⁶⁵; Компьенское перемирие (11 ноября 1918 г.)⁶⁶.

Вторая группа источников представлена *делопроизводственными документами* международных и государственных учреждений различных стран. Упомянутые документы хранятся в российских и зарубежных архивах.

⁶⁰ Декрет о мире // Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 12–16.

⁶¹ G.T. 6274. Russian Situation. Memorandum by P. de B. Radcliffe. 13 November 1918. (B) Terms of the Convention agreed at Paris dated 23rd December, 1917 // TNA. CAB 24/69/75. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-69.pdf> (дата обращения: 06.03.2020).

⁶² Декрет ВЦИК «Об аннулировании государственных займов» от 21 января (3 февраля) 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 386–387.

⁶³ Мирный договор между Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией с одной стороны и Россией с другой // *Полторак С.Н.* Брест-Литовск. 100 лет истории переговоров о мире. СПб., 2018. С. 288–291.

⁶⁴ Декларация премьер-министров и министров иностранных дел стран Согласия в связи с заключением Брест-Литовского мирного договора. URL: http://redstory.ru/war/first_world_war/245.html (дата обращения: 15.05.2020).

⁶⁵ Германско-русский добавочный договор к Мирному договору между Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией с одной стороны и Россией с другой. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Брестский_мирный_договор/Германско-русский_добавочный_договор (дата обращения: 15.05.2020).

⁶⁶ German Armistice, November 11th, 1918 // TNA. CAB 24/149/19. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-149.pdf> (дата обращения: 15.05.2020).

В настоящей работе использовались находящиеся в АВП РФ фонды Л.Б. Красина⁶⁷, секретариатов Г.В. Чичерина⁶⁸ и М.М. Литвинова⁶⁹. В них содержатся дипломатическая переписка руководства НКВД РСФСР с Форин-офисом и своим представительством в Великобритании, а также интервью представителя РСФСР в Соединенном Королевстве М.М. Литвинова. Главными темами в этих документах было урегулирование основных проблем между двумя странами, включая исполнение обязательств российской стороны во время Первой мировой войны и получение советского мандата на интервенцию.

В фондах ГА РФ интерес для настоящего исследования представляет фонд Политической канцелярии особого совещания при Главнокомандующем вооруженными силами на Юге России. В нем хранятся протоколы заседаний антибольшевистского правительства Закаспийской области в части обсуждения британской интервенции в регион и переписка его представителей с командующим войсками Великобритании генералом У. Маллесоном о помощи⁷⁰.

В РГАСПИ автором были изучены архивные документы из фондов В.И. Ленина⁷¹, его секретариата⁷², Центрального Комитета КПСС⁷³, личных фондов М.Н. Покровского⁷⁴ и Г.В. Чичерина⁷⁵. В числе этих документов – протоколы заседаний ЦК РСДРП(б) по вопросам проведения интервенции стран Антанты и их союзников в Советскую Россию, переписка В.И. Ленина и его секретариата с различными советскими ведомствами о положении дел в регионах, в том числе подвергшихся интервенции.

Были также использованы зарубежные архивные документы. Основной их комплекс находится в фондах Национального архива Соединенного Королевства – САВ 23 (War Cabinet and Cabinet: Minutes) и САВ 24 (War Cabinet and Cabinet: Memoranda (GT, CP and G War Series)), материалы которых оцифрованы и выложены в сети «Интернет»⁷⁶.

Документы из этих фондов содержат материалы по интервенции в Россию и дискуссиям правящих кругов Великобритании. В САВ 23 хранятся протоколы заседаний Военного Кабинета министров Соединенного Королевства и Имперского Военного Кабинета Британской империи с приложением документов различных учреждений Великобритании. Что касается САВ 24, то в нем

⁶⁷ АВП РФ. Ф. Архив Л.Б. Красина. Оп. 1. Д. 1. Папка 1; Д. 2. Папка 1; Д. 20. Папка 3.

⁶⁸ Там же. Ф. Секретариат Г.В. Чичерина. Оп. 1. Д. 2. Папка 493; Д. 3. Папка 2.

⁶⁹ Там же. Ф. Секретариат М.М. Литвинова. Оп. 1. Д. 1. Папка 1; Д. 1. Папка 177; Д. 2. Папка 177; Д. 3. Папка 177; Д. 7. Папка 177; Д. 9. Папка 177; Д. 10. Папка 177.

⁷⁰ ГА РФ. Ф. Р-446. Политическая канцелярия особого совещания при Главнокомандующем вооруженными силами на Юге России, г. Екатеринодар, 1918–1920. Оп. 2. Д. 56.

⁷¹ РГАСПИ. Ф. 2. Ленин (наст. Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924). Оп. 2. Д. 216; Оп. 3. Дела 701, 714–715; Там же. Ф. 4. Документы о деятельности Ленина. Оп. 2. Д. 437, 1978, 2612.

⁷² Там же. Ф. 5. Секретариат В.И. Ленина (1917–1924). Опись 1. Ед. хр. 2070, 2231, 2264.

⁷³ Там же. Ф. 17. Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898, 1903–1991). Оп. 1а. Ед. хр. 55; Оп. 109. Д. 9–10, 15, 23, 28, 50, 66, 74, 83.

⁷⁴ Там же. Ф. 147. Покровский Михаил Николаевич (1868–1932). Оп. 1. Ед. хр. 19.

⁷⁵ Там же. Ф. 159. Чичерин Георгий Васильевич (1872–1936). Оп. 2. Ед. хр. 27.

⁷⁶ The National Archives (United Kingdom). URL: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/browse/r/h/C3830> (дата обращения: 20.08.2020); The Cabinet Papers. URL: <https://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers/> (дата обращения: 20.08.2020).

представлен обширный комплекс меморандумов, аналитических записок, еженедельных отчетов, сообщений от глав и представителей различных британских государственных ведомств.

Кроме того, к настоящему исследованию были привлечены стенограммы заседаний британского парламента, а также сборники документов Государственного департамента США, в состав которых входят протоколы заседаний Парижской мирной конференции. Изучение этих документов позволило выяснить позиции парламента, правительств Франции, Италии, США и Японии по интервенции, которые учитывались британской стороной при обсуждении подготовки, реализации и завершения этой операции.

В *третью группу* входят *публицистические источники*. В их числе – работы, материалы выступлений (тексты речей) участников и современников исследуемых в настоящей работе событий: государственных деятелей – В.И. Ленина⁷⁷, Л.Д. Троцкого⁷⁸, Г.В. Чичерина⁷⁹; члена омского правительства Г.К. Гинса⁸⁰; лидера Белого движения на Юге России А.И. Деникина⁸¹; командующего антибольшевистскими войсками Северной области В.В. Марушевского⁸²; советских военачальников И.И. Вацетиса, Н.Е. Какурина⁸³ и др.

Четвертую группу источников составляют *документы личного происхождения: воспоминания, дневники*, в которых затрагиваются вопросы интервенции. К их числу относятся воспоминания У. Черчилля⁸⁴, Д. Ллойд Джорджа⁸⁵, главы специальной британской миссии в Москве Б. Локкарта⁸⁶. Все три автора по-разному характеризовали цели и роль Великобритании в интервенции в России.

К этой группе также относятся и российские источники личного происхождения. В их число входят дневники военного министра омского правительства А.П. Будберга⁸⁷, П.Н. Милюкова⁸⁸, штабс-капитана Добровольческой армии Г.А. Орлова⁸⁹, а также воспоминания российского

⁷⁷ Ленин В.И. Доклад о внешней политике на объединенном заседании В.Ц.И.К. и Московского Совета (14 мая 1918 г.) // *В.И. Ленин. Сочинения*. М., 1936. Т. XXIII (1918–1919). С. 1–16; *Он же*. Речь на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы (29 июля 1918 г.) // Там же. С. 151–164; *Он же*. Письмо к американским рабочим (20 августа 1918 г.) // Там же. С. 176–189; *Он же*. «Товарищи-рабочие! Идем в последний, решительный бой!» // Там же. С. 205–208. *Он же*. Письмо к рабочим Европы и Америки // Там же. С. 494–500; *Он же*. Доклад о внешнем и внутреннем положении Советской республики // *Он же*. Сочинения. М., 1935. Т. XXIV (1919). С. 207–220.

⁷⁸ Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция (на военной работе): в 3 т. Москва, 1923–1925.

⁷⁹ Чичерин Г.В. Внешняя политика советской России за два года. М., 1920.

⁸⁰ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. Пекин, 1921.

⁸¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты: в 5 т. Paris, 1921–1926.

⁸² Марушевский В.В. Год на Севере // Белое дело. Летопись белой борьбы. Берлин, 1926–1927.

⁸³ Какурин Н.Е., Вацетис И.И. Гражданская война. 1918–1921. СПб., 2002; Какурин Н.Е. Как сражалась революция: в 2 т. М.; Л., 1925–1926; *Он же*. Стратегический очерк гражданской войны. М.-Л., 1926.

⁸⁴ Churchill W. World Crisis: in 5 v. V. 5. Aftermath. London, 1929.

⁸⁵ Lloyd George D. War Memoirs: in 6 vol. London, 1933–1936.

⁸⁶ Lockhart B. Memoirs of a British Agent. London, 1932.

⁸⁷ Будберг А.П. Дневник // Архив русской революции. Т. XII–XV. Берлин, 1923–1924.

⁸⁸ Милюков П.Н. Дневник П.Н. Милюкова, 1918–1921. М., 2005.

⁸⁹ Орлов Г. Дневник добровольца. Хроника гражданской войны. 1918–1921. М., 2019.

дипломата в Лондоне К.Д. Набокова⁹⁰, атамана Всевеликого Войска Донского П.Н. Краснова⁹¹, председателя Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России А.С. Лукомского⁹², члена Уфимской Директории В.Г. Болдырева⁹³, военного инженера армии Н.Н. Юденича Реджи⁹⁴, генерал-квартирмейстера при А.В. Колчаке М.А. Иностранцева⁹⁵. Авторы подчеркивали существенную роль Великобритании в интервенции и помощи белогвардейцам.

В целом представленная источниковая база позволяет глубоко и комплексно воссоздать историю интервенции в Россию с учетом политических дискуссий правящих кругов Великобритании (1917–1919 гг.) и, следовательно, решить поставленные в настоящей диссертации задачи.

Методологическую основу исследования составляют принципы научности, объективности, историзма и детерминизма. В диссертации были использованы как общенаучные, так и специально-исторические методы.

К числу общенаучных относятся методы системного и контекстного анализа, а также логический и диалектический методы. Системный анализ позволил выделить основополагающие элементы политических дискуссий в правящих британских кругах, определивших их позиции, связи с внешней средой, то есть с обстановкой в Советской России, в мире и Великобритании во время и после Первой мировой войны. Контекстный анализ позволил проследить развитие этих дискуссий в условиях стремительно меняющихся событий и обстоятельств и характера российско-британских отношений. Логический метод помог воспроизвести данные дискуссии и проследить логику принимаемых решений. Диалектический метод позволил рассмотреть предмет настоящего исследования с точки зрения его закономерностей и причин развития с учетом борьбы противоположных позиций различных сторон.

К специально-историческим методам, которые применялись в настоящем исследовании, относятся проблемно-хронологический, конкретно-исторический и сравнительно-исторический. Проблемно-хронологический метод показал, как именно развивались политические дискуссии в правящих кругах Великобритании относительно интервенции в России в их динамике в период 1917–1919 гг. Конкретно-исторический метод помог описать различные факты, явления и события, которые образовали основу и суть разного рода политических дискуссий по интервенции. Сравнительно-исторический метод был призван установить как общее мнение членов правящей британской элиты, так и позиции отдельных политических групп, а также эволюцию этих взглядов.

⁹⁰ *Набоков К.Д.* Испытания дипломата. Стокгольм, 1921.

⁹¹ *Краснов П.Н.* Всевеликое Войско Донское // Архив русской революции. Т. V. Берлин, 1922. С. 190–321.

⁹² *Лукомский А.С.* Воспоминания генерала А.С. Лукомского: в 2 т. Т. 2. Берлин, 1922.

⁹³ *Болдырев В.Г.* Директория. Колчак. Интервенты. Новониколаевск, 1925.

⁹⁴ *Реджи.* Антанта, немцы и русская Добровольческая армия в Прибалтике. М., 2015.

⁹⁵ *Иностранцев М.А.* Адмирал Колчак и его катастрофа. Воспоминания недавнего прошлого // *Иностранцев М.А.* Воспоминания. Конец империи, революция и начало большевизма. М., 2017. С. 707–870.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что впервые в отечественной историографии на основе нового корпуса опубликованных и архивных источников и новейшей литературы комплексно анализируются генезис и эволюция идеи британской интервенции в Советскую Россию в 1917–1919 гг.

Новизна работы заключается в выявлении взглядов на интервенцию в России представителей различных групп правящей элиты Великобритании, определении факторов, влиявших на специфику их подходов к проблеме интервенции.

В рамках анализа дискуссий в правящих кругах Великобритании были выявлены вопросы мотивации, целеполагания и форм участия этой страны в интервенции на ее различных этапах с учетом развития событий.

Новизной диссертационной работы является также то, что диссертантом выделены различные периоды разработки политики интервенции британскими политическими кругами и ее практического воплощения странами Антанты.

Впервые проблема интервенции исследуется на основе широкого круга документов и материалов на русском и английском языках, хранящихся не только в российских (ГА РФ, АВП РФ, РГАСПИ), но и в британских архивных фондах (Национального архива Соединенного Королевства – The National Archives).

Комплекс материалов, извлеченных из отечественных и зарубежных источников, позволил пересмотреть ряд устоявшихся положений, выработанных в отечественной и зарубежной историографии по вопросу об основных причинах интервенции, в частности, о роли в ней идеологической составляющей, связанной с отношением правящих кругов Великобритании к большевизму.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что по итогам настоящей работы получены новые знания об участии и роли Великобритании в иностранной интервенции в России, важные для расширения и углубления знаний о Гражданской войне и интервенции и понимания ряда современных событий в контексте политики по «русскому вопросу», выработанной странами Антанты в ходе планирования, согласования и осуществления интервенции в Россию и после ее завершения. Это может послужить основой для дальнейших научных исследований Гражданской войны и интервенции в России в различных аспектах. Кроме того, в ходе исследования политических дискуссий правящих кругов Великобритании по вопросу интервенции в России, выявивших конфликтность позиций сторон, удалось расширить и обосновать понимание таких важнейших вопросов, как мотивы, целеполагание и роль Великобритании в интервенции в России на различных ее этапах.

Практическое значение результатов исследования заключается в том, что сформулированные в данном исследовании выводы могут представлять интерес не только для историков, но и политологов и дипломатов, поскольку возможно использование опыта межгосударственных отношений России и Великобритании периода интервенции для оценки и урегулирования современных дискуссионных вопросов между РФ и Западом. Материалы диссертационного исследования могут быть полезны при дальнейшем изучении интервенции в

Советскую Россию отдельных зарубежных стран, в частности, Великобритании, а также способствовать расширению источниковой базы отечественных исторических исследований. Кроме того, положения диссертации могут быть использованы при разработке общих и специальных курсов по истории России, Великобритании, российско-британских и международных отношений.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В вопросе отношения британских властей к интервенции в Советскую Россию выделяются четыре основных периода: 1. Зарождение идеи интервенции в Россию в кругах британской правящей элиты (ноябрь 1917 г. – май 1918 г.); 2. Реализация плана интервенции в Россию (май – ноябрь 1918 г.); 3. Обсуждение британским истеблишментом продолжения интервенции после подписания Компьенского перемирия (ноябрь 1918 г. – июль 1919 г.); 4. Разработка внешнеполитического курса Великобритании на сдерживание России в условиях формирования новой системы международных отношений (июль – декабрь 1919 г.).

2. Усиление политического и экономического влияния Германии в начале XX в. способствовало дипломатическому сближению Великобритании и Российской империи. Фактор Германии стал решающим мотивом во внешней политике Великобритании в отношении России, а преодоление немецкого влияния и возможности заключения российско-германского союза – ее основной целью.

3. Правящие круги Великобритании были готовы выражать лояльность большевистскому правительству в случае подтверждения им намерения продолжать военные действия против армий Четвертного союза. Идеологические мотивы борьбы с большевизмом априори не были решающими для премьер-министра Д. Ллойд Джорджа и подавляющего большинства членов Военного Кабинета министров при формировании политики по «русскому вопросу».

4. В условиях выхода Советской России из Первой мировой войны союзная интервенция в Россию стала рассматриваться британским правительством как приоритетная правильная военная мера против Германии, позволявшая пресечь для нее возможности использовать российские ресурсы и инфраструктуру для усиления своего военно-экономического потенциала.

5. На заключительном этапе подготовки интервенции активное обсуждение шло по вопросам привлечения США и Японии для участия в интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири, получения мандата на интервенцию от советского правительства, а также продвижения японских войск вглубь России. Используя влияние, правительство Великобритании не просто активно участвовало в переговорах с Японией, США и советским правительством, но и формировало повестку дня таких переговоров, настойчиво стремясь вынудить партнеров следовать своим установкам. При этом мотивацией для Великобритании служила необходимость защиты от возможного наступления Германии через Россию на ближневосточные колонии и в Индию, а целью – взятие под контроль подступов к этим территориям через Россию, а также стратегической инфраструктуры.

6. После подписания Компьенского перемирия исчезла основная публично декларируемая причина британского участия в иностранной интервенции в

России: военное противоборство с Германией. Возникла дискуссия о дальнейшей судьбе интервенции. Крайние позиции были представлены У. Черчиллем и Д. Ллойд Джорджем. Первый настаивал на усилении интервенции, второй – постепенном завершении и выводе британских войск с территории бывшей Российской империи. В рамках этой дискуссии правительство принимало во внимание то, что значительная часть населения была против нахождения британских войск в России после перемирия. Позиция У. Черчилля, направленная на усиление интервенции, теперь уже по идеологическим мотивам, не получила достаточной поддержки в британских политических кругах.

7. В конце декабря 1918 г. начался разворот британской политики в отношении России в сторону прекращения интервенции. Правительство столкнулось с падением боевого духа британских военнослужащих, не желавших больше находиться в России, а также ростом социальной напряженности в Соединенном Королевстве. Однако в феврале 1919 г. Имперский Генштаб предложил сохранить продовольственную и военно-техническую помощь Белому движению. Уже в марте 1919 г. общее намерение британского правительства состояло в том, чтобы как можно скорее вывести войска с территории России, а затем снабдить русских командиров, дружественных союзному делу, оружием и боевой техникой (за исключением финансов и войск).

8. В июле 1919 г. наметился пересмотр политики Великобритании по «русскому вопросу», сопровождавшийся очередными дискуссиями. В результате 25 и 29 июля 1919 г. был окончательно закрыт вопрос о британской интервенции, и принято решение о выводе войск, находившихся в Сибири, на Севере России и на Кавказе, а также об отзыве британских миссий из Архангельска и Мурманска.

9. В сентябре 1919 г. британское правительство приступило к определению концептуальных основ своей будущей политики в отношении России, которая основывалась на критериях сильной или слабой России. В ходе дискуссий премьер-министр Д. Ллойд Джордж отдал предпочтение слабой, «ограниченной» России.

10. Поствоенная консолидированная политика стран Антанты и их союзников в отношении России разрабатывалась в декабре 1919 г. при активном участии Великобритании и была закреплена в решениях Лондонской межсоюзной конференции по «русскому вопросу» (11-13 декабря 1919 г.), некоторые из которых сохраняют свою актуальность (в частности, в соответствии с п. 2, сильная Польша соответствовала интересам стран Антанты).

11. Как мотивы, так и цели участия Великобритании в интервенции в России на протяжении указанного периода не были статичными, а неоднократно менялись в зависимости от многих обстоятельств как внешнего, так и внутреннего характера, что отражалось и на ходе политических дискуссий британских правящих кругов. Полученный Соединенным Королевством в результате интервенции и контактов с российскими политическими деятелями опыт убедил правящие британские круги в необходимости полного разворота в отношении Советской России в сторону экономического сотрудничества с ней, что воплотилось в форме советско-британского торгового соглашения 1921 г.

Достоверность результатов диссертации обеспечивается привлечением большого количества как опубликованных, так и впервые введенных в научный оборот исторических источников, включая официальные документы российского происхождения, а также иностранные официальные документы, источники личного происхождения и периодическую печать. В то же время достоверность обеспечивается сопоставлением документов различного происхождения, а также использованием вышеупомянутых исследовательских принципов и методов.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы работы нашли отражение в 10 публикациях, в том числе две – в научных журналах, входящих в Перечень рецензированных научных изданий РУДН, две – в научных изданиях, входящих в международную базу данных Web of Science.

Основные теоретические положения и выводы были изложены автором на конференциях: Восьмой международной конференции молодых ученых и специалистов «Сlio-2018» (Москва, РГАСПИ, 2018 г.), XX Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Москва, РУДН, 2018 г.), Девятой международной конференции молодых ученых и специалистов «Сlio-2019» (Москва, РГАСПИ, 2019 г.) и XXII Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Москва, РУДН, 2020 г.).

Структура кандидатской диссертации состоит из введения, трех глав, заключения и списка источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность, степень научной разработанности темы и источниковая база, определяются объект и предмет, цель и задачи, хронологические рамки, научная новизна, теоретическая и практическая значимость настоящей работы, методология, а также степень достоверности.

Первая глава **«Зарождение в британских правящих кругах идеи интервенции в Россию (ноябрь 1917 г. – май 1918 г.)»** посвящена рассмотрению генезиса и развития идеи интервенции в Россию в правящих кругах Великобритании от складывания после Октябрьской революции условий для ее появления до момента отказа советского руководства от «интервенции по соглашению». Глава состоит из двух параграфов.

В первом параграфе *«Дискуссии в британском правительстве о ситуации в России в период стратегической неопределенности (ноябрь 1917 г. – март 1918 г.)»* рассматривается начальный этап новой политики Великобритании относительно России после Октябрьской революции. Это был период стратегической неопределённости, поскольку в британском правительстве не было понимания того, как долго продержатся большевики у власти и каково реальное влияние различных политических сил в России.

В этот период британское правительство проводило вариативную политику в трех направлениях: 1) оказание военно-финансовой и иной помощи антибольшевистским силам, если они действовали против Германии; 2) подготовка планов осуществления интервенции на определенных территориях бывшей Российской империи с последующей союзной оккупацией для

предотвращения использования их Германией; 3) установление неофициальных контактов с большевиками и проведение переговоров о продолжении участия России в войне с предоставлением ей военной помощи. Подписание Брестского мира ознаменовало прекращение такой политики.

Во втором параграфе *«Обсуждение перспективы интервенции в правящих кругах Великобритании после подписания Брестского мира (март – май 1918 г.)»* анализируется дискуссия о приоритетности политики интервенции. Ее сторонники указывали на угрозу, связанную с усилением позиций Германии в результате подписания сепаратного мирного договора с Советской Россией, а также на возможность немецкого наступления через Россию на стратегически важные для Великобритании ближневосточные колонии и в Индию. В этот период британская сторона, не отказываясь от сотрудничества с большевиками и одновременно от поддержки антибольшевистских сил, стала прилагать политико-дипломатические усилия для осуществления плана вторжения на территорию России стран Антанты и их союзниц. Для успеха требовались согласие союзников, главным образом Японии и США, и получение по требованию президента США В. Вильсона мандата от советского правительства на эту операцию. Но Великобритания не добилась ни «соглашения», ни какого-либо другого мандата на интервенцию от большевиков из-за того, что переговоры между союзниками длились чрезвычайно долго, что помешало решить вопрос оперативно в условиях постоянно менявшегося положения дел.

Вторая глава **«Реализация плана интервенции в Россию и его трансформация (май – декабрь 1918 г.)»** посвящена подготовке вторжения и его развитию. Кроме того, рассматриваются изменения, которые привели британское правительство к решению о сворачивании политики интервенции, а также дискуссии по этому вопросу. Глава состоит из двух параграфов.

В первом параграфе *«Завершающий этап обсуждения плана интервенции в британском правительстве и ее начало (май – ноябрь 1918 г.)»* акцентируется внимание на восстании в мае 1918 г. Чехословацкого корпуса, которое ускорило политико-дипломатическую подготовку операции со стороны Великобритании за счет временного нивелирования межсоюзнических разногласий. Побудительными мотивами таких действий были объявлены необходимость оказания помощи Чехословацкому корпусу и предотвращение перехода к немцам складов союзного военного имущества во Владивостоке.

Далее в параграфе показаны начало и развитие военной интервенции в восточном, северном и южном регионах бывшей Российской империи в период с лета по осень 1918 г. Наряду с этим, внимание уделяется событиям, ухудшившим отношения Великобритании и РСФСР по причине заключения 27 августа 1918 г. советско-германского Добавочного договора к Брестскому миру, финансового и частноправового соглашений, а также «заговора послов» в конце августа 1918 г.

Автор приходит к выводу, что ужесточение политики Великобритании в отношении России в контексте динамичного развития сценария интервенции в значительной степени было следствием того, что к августу 1918 г. наступил перелом в ходе Первой мировой войны. В это время близкая победа Антанты

приобрела реальные очертания. Соответственно, страны-члены альянса могли направить дополнительные ресурсы на изменение ситуации в России в своих интересах и закрепить собственное влияние на оккупированных территориях в целях дальнейшего сдерживания Германии и сохранения лояльных интервентам антибольшевистских сил.

Во втором параграфе *«Компъенское перемирие и дискуссии в правящих кругах Великобритании после его заключения (ноябрь – декабрь 1918 г.)»* исследуются изменения в политике Военного Кабинета министров Великобритании в отношении России после заключения Компъенского перемирия в ноябре–декабре 1918 г. Это был период разработки новой концепции интервенции с учетом угроз миру, сохранявшихся на этапе перемирия и в поствоенное время. В качестве одной из серьезных проблем рассматривалась «угроза большевизма». С учетом этих обстоятельств в ноябре–декабре 1918 г. политические дискуссии в правящих кругах Великобритании вспыхнули с новой силой.

Делается заключение, что в исследуемый период вопрос о расширении интервенции в Россию рассматривался Кабинетом министров в увязке с задачей противостояния большевизму как в России, так и за ее пределами. Большевизм и возможность его распространения в это время трактовались британскими властями как серьезная угроза глобального характера, а борьба с ним – не только как противостояние с советским правительством, но и как мощный инструмент противодействия усилению влияния Германии в поствоенный период. Однако усиление британской интервенции, начавшееся с ноября, стало ослабевать после выборов в Палату общин 14 декабря, когда гражданское население требовало проведения срочной демобилизации и налаживания мирной жизни. Данные обстоятельства заставили британское правительство перейти к свертыванию интервенции.

Третья глава **«Обсуждение “русского вопроса” в британском правительстве и Антанте в 1919 г.»** посвящена обсуждению в британских политических кругах прекращения политики интервенции, выработке новой британской позиции в отношении России, а также роли Соединенного Королевства в принятии новых подходов стран Антанты и их союзников в отношении РСФСР. Третья глава состоит из двух параграфов.

В первом параграфе *«Дискуссии по продолжению интервенции (январь – июль 1919 г.)»* рассматриваются политические дискуссии в Военном Кабинете министров о судьбе интервенции в России и решение об ее прекращении в июле 1919 г. В ходе обсуждения были представлены конфликтные позиции. С одной стороны – позиция Д. Ллойд Джорджа, которая заключалась в скорейшем прекращении интервенции, свертывании военно-технической и финансовой помощи Белому движению, в выстраивании нового, доверительного диалога с Советской Россией. С другой стороны – альтернативная позиция государственного секретаря по военным делам У. Черчилля, которая была направлена на усиление политики интервенции, продолжение помощи Белому движению и максимальное сдерживание большевистской России. Конфликтный

характер дискуссии усугублялся требованиями парламента и общества Соединенного Королевства о выводе британских солдат из России. В результате 25 и 29 июля 1919 г. Военный Кабинет постановил вывести британские войска из России, а также отозвать миссии из Архангельска и Мурманска.

Таким образом, позиция Д. Ллойд Джорджа одержала верх. Причины этой победы были преимущественно внутренние: нарастание социального кризиса в стране, который мог привести к дестабилизации, и истощенные войной финансовые и человеческие ресурсы. Умелое маневрирование премьер-министра позволило избежать принятия радикальных решений, предлагавшихся У. Черчиллем, позиции которого постепенно стали ослабевать.

Окончание интервенции в июле 1919 г. было связано также с фактическим отказом Великобритании осуществлять дальнейшее материально-техническое обеспечение интервенции, что вызывало цепную реакцию в решении других вопросов.

Во втором параграфе «*Роль Великобритании в разработке политики союзников в отношении России (август – декабрь 1919 г.)*» рассматриваются дискуссии сначала в британском правительстве, а затем между Великобританией, США, Францией и Японией по «русскому вопросу». Взяв за основу положение о сдерживании слабой, «ограниченной» России, Соединенное Королевство приняло активное участие в подготовке межсоюзной конференции в Лондоне, посвященной окончанию интервенции и выработке стратегии по отношению к Советской России. Решения конференции положили конец широкомасштабной военной помощи Белому движению, что способствовало завершению Гражданской войны.

В **заключении** диссертант формулирует полученные выводы и обобщает основные результаты работы.

Автор выделяет четыре основных периода в вопросе отношения британских властей к интервенции в России.

Для *первого периода* (ноябрь 1917 г. – май 1918 г.) была характерна связь как мотивации, так и целеполагания британских правящих кругов с ходом Первой мировой войны. Мотивом служила попытка воспрепятствовать Германии вступить в союз с Россией и воспользоваться ее ресурсами. Целью было восстановление Восточного фронта.

Дипломатическое сближение Великобритании и России в начале XX в. стало следствием усиления влияния Германии во внешнеполитической и экономической сферах. Данный фактор стал решающим во внешней политике Великобритании в отношении России, а стремление не допустить заключения российско-германского союза стало основной целью до, во время и некоторое время после интервенции.

С ноября 1917 г. в связи с приходом к власти большевиков происходило усиление опасений Великобритании относительно заключения большевистской Россией одностороннего мира с Германией и возможного сближения с ней.

Военный Кабинет министров Соединенного Королевства в своей политике в отношении России до ратификации Брестского мира допускал как оказание

военно-финансовой и иной помощи антибольшевистским силам вне зависимости от их национальной принадлежности в активном и пассивном сопротивлении Германии, так и установление неофициальных контактов с большевиками, несмотря на их «идеологическую непримиримость к капиталистическим странам», и проведение переговоров о сохранении российского участия в войне с предоставлением помощи в борьбе против Германии.

Правящие круги Великобритании допускали и были готовы выражать лояльность большевистскому правительству, если оно будет продолжать военные действия против армий Четвертного союза, хотя детали такой политики являлись предметом дискуссий в британских правящих кругах. При этом идеология априори не играла решающей роли в принятии решений о политике британского правительства в отношении России.

В основе этой политики лежали прагматизм и стремление сохранить и упрочить собственные экономические и геополитические позиции. Как показал анализ документов, в процессе политических дискуссий идеологические мотивы борьбы с большевизмом не были решающими для Д. Ллойд Джорджа и членов Военного Кабинета министров (исключение составляли У. Черчилль и его немногочисленные соратники).

Основные опасения британского правительства были по-прежнему связаны с продолжающейся мировой войной. В Военном Кабинете министров отчетливо понимали, что выход из нее России неизбежно приведет к ликвидации Восточного фронта и переброске немецких военных сил с него на Западный. По этой причине военное вмешательство стран Антанты и их союзников при активном участии Великобритании во внутренние дела России было прогнозируемым и в высокой степени вероятным.

Принимая во внимание выход Советской России из Первой мировой войны, Великобритания взяла курс на политику интервенции как единственно возможную меру в борьбе против Германии с целью недопущения использования ею российских ресурсов и инфраструктуры. Что касается политического режима в самой России, то официально он не указывался в качестве причины для военного вмешательства. Более того, британское правительство на первом этапе даже предлагало большевистскому правительству совместную организацию военных действий против Германии на советской территории.

При формировании политики интервенции Великобритания руководствовалась задачей сохранения своего глобального влияния. Эта цель могла достигаться путем противодействия Германии на территории бывшей Российской империи, взятием под контроль природных ресурсов России и стратегической инфраструктуры. Однако по деталям достижения этих целей посредством интервенции в британских правящих кругах шли дискуссии.

Как заинтересованная сторона, обладавшая большим политическим и экономическим ресурсом, Великобритания вела активные переговоры со своими союзниками по Антанте об интервенции на отдельных территориях бывшей Российской империи: с Францией – на Юге России, преимущественно с США и Японией – в Сибири и на Дальнем Востоке. Статус Великобритании как активного

переговорщика и опытного арбитра позволил на время преодолеть межсоюзнические противоречия, в особенности между Соединенными Штатами и Японией.

В рамках *второго периода* (май – ноябрь 1918 г.) создавались условия для реализации интервенции при сохранении прежней мотивации и ее дополнении стремлением обеспечить контроль союзников над всей территорией бывшей Российской империи.

На заключительном этапе подготовки интервенции особо острые дискуссии в британских правящих кругах шли по вопросам привлечения США и Японии к интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири, получения какого-либо мандата на интервенцию от советского правительства, а также продвижения японских войск вглубь России. Используя свое политическое влияние, правительство Великобритании не просто активно проводило переговоры с Японией, США и советским правительством, но формировало и продвигало повестку дня таких переговоров в соответствии в том числе со своими собственными интересами, включая предотвращение возможного наступления Германии через Россию на ближневосточные колонии и Индию. В качестве конечной цели в этой связи подразумевалось взятие под контроль подступов к этим территориям через Россию, а также ее стратегической инфраструктуры.

Решение о начале масштабной союзной интервенции было принято в июле – августе 1918 г. Вторжение было предварительно организовано с учетом разделения сфер влияния, интересов и возможностей сторон и соответствующим образом скоординировано. В соответствии с официальными британскими документами, утвержденная британским правительством политика военной интервенции в России, проводившаяся до Компьенского перемирия, была направлена на достижение трех основных целей: 1) не позволить Германии получать помощь из России людьми и поставками; 2) не допустить переброску живой силы и ресурсов с Русского фронта на другие фронты; 3) предотвратить получение Германией преобладающего влияния в русских делах после войны. В рамках этой политики британские власти оказывали консультационно-политическую, финансовую и военно-техническую помощь различным антибольшевистским силам.

Начало *третьего периода* (ноябрь 1918 г. – июль 1919 г.) ознаменовалось Компьенским перемирием, после заключения которого исчезла основная декларируемая публично причина британского участия в иностранной интервенции в России: противоборство с Германией в условиях войны. Вместе с тем, с точки зрения британских правящих кругов, у Германии оставался шанс получить преобладающее влияние в русских делах в послевоенный период.

В этих условиях возникла дискуссия о дальнейшей судьбе интервенции. Крайние позиции были представлены У. Черчиллем и Д. Ллойд Джорджем. Первый настаивал на усилении интервенции, второй – постепенном завершении и выводе британских войск с территории бывшей Российской империи. При этом У. Черчилль настойчиво пытался убедить британские политические круги в той идеологической опасности, которую нес в себе большевизм. Став

государственным секретарем по военным делам, он был сторонником жесткого подхода в отношении Советской России и ставил задачу не только сохранения оккупационных войск в России и помощи антибольшевистским силам, но и расширения интервенции совместно с союзниками в целях недопущения заключения союза России с Германией. Однако позиция У. Черчилля, направленная на усиление интервенции по идеологическим мотивам, не получила достаточной поддержки.

В рамках данной дискуссии британское правительство принимало во внимание тот факт, что значительная часть населения была против нахождения британских войск в России после перемирия. Истощение финансовых, человеческих и политических ресурсов и рост протестного движения в стране привели к тому, что в конце декабря 1918 г. наметился переход британской политики в отношении России к прекращению интервенции, хотя Имперский Генштаб высказался при этом за сохранение помощи Белому движению. Умелое маневрирование Д. Ллойд Джорджа позволило сохранить гражданский мир в Великобритании и наметить переход британской политики в отношении России к сворачиванию интервенции, которая стала осуществляться с января по июль 1919 г.

В рамках *четвертого периода* (июль – декабрь 1919 г.) в результате оживленных дискуссий 25 и 29 июля 1919 г. был окончательно закрыт вопрос о британской интервенции и было принято решение о выводе войск, находившихся в Сибири, на Севере России и на Кавказе, а также об отзыве британских миссий из Архангельска и Мурманска.

В то же время возможное усиление международной позиции Советской России, способное изменить баланс сил в Центральной и Восточной Европе, представляло опасность для британских властей и заставляло их разрабатывать варианты стратегии дальнейшего сдерживания любой правящей политической силы в России.

В сентябре 1919 г. в британском правительстве обсуждались очередные концептуальные подходы в отношении России в связи с необходимостью определения ее места в системе новых международных отношений, выстраиваемых после подписания Версальского мира. В ходе дискуссий премьер-министр Д. Ллойд Джордж отдал предпочтение слабой, «ограниченной» России. Новая концепция этой политики была разработана при активном участии Великобритании и отразилась в решениях Лондонской конференции по «русскому вопросу». Проект решений, составленный британской стороной, включал в себя пункты, предусматривавшие, в том числе, отказ стран-участниц от официальных отношений с советским правительством. Что касается антибольшевистских сил, то за ними закреплялось право покупать военные материалы в странах альянса. При этом каждая страна могла принимать самостоятельные решения в области выстраивания своих отношений с так называемыми антибольшевистскими элементами. Британской стороной предлагалось также признать положение о сильной Польше, соответствующим интересам стран Антанты.

Все эти положения, призванные содействовать сохранению «ограниченной» России, были приняты на Лондонской конференции с добавлением новых пунктов, в том числе пункта о помощи пограничным сообществам с нерусским населением. Мотивацией такой модели политики по отношению к России являлось стремление к ее сдерживанию в поствоенный период, а целью – сохранение и укрепление геополитического влияния Великобритании.

На основе использования в данной работе ранее не привлекавшегося к исследованию блока архивных документов удалось установить, что мотивы и цели участия Великобритании в интервенции в России на протяжении указанного периода не были статичными, а неоднократно менялись в зависимости от многих обстоятельств как внешнего, так и внутреннего характера, что отражалось и на ходе политических дискуссий британских правящих кругов. Полученный Соединенным Королевством в ходе интервенции и контактов с российскими политическими деятелями опыт убедил правящие британские круги в необходимости полного разворота в отношении Советской России в сторону экономического сотрудничества, которое воплотилось в форме торгового соглашения между Великобританией и РСФСР, заключенного в Лондоне 16 марта 1921 г.

Выход Соединенного Королевства из интервенции в России ускорил окончание Гражданской войны, что, в свою очередь, способствовало началу процесса выстраивания новых отношений Советской России со странами Запада.

**Основные положения и выводы работы изложены в
следующих публикациях:**

а) Публикации в изданиях, входящих в Перечень научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты исследований в рамках диссертаций, представляемых к защите в диссертационных советах РУДН:

1. *Миронюк С.А.* Роль Военного Кабинета министров Британии в организации интервенции на Дальний Восток и в Сибирь: согласование условий вторжения с США, Японией и советским правительством в декабре 1917 – августе 1918 гг. (по материалам Национального архива Соединенного Королевства) // Genesis: исторические исследования. 2019. № 2. С. 52-62. (1 п.л.)

2. *Миронюк С.А.* Изменения в политике предоставления британской помощи белым силам в Сибири и на Юге России в июле 1919 г. и их причины (на основе протокола заседания Военного Кабинета министров от 25 июля 1919 г.) // Genesis: исторические исследования. 2019. № 11. С. 1-10. (0,9 п.л.)

б) Публикации в изданиях, входящих в международные базы цитирования Web of Science:

3. *Схиммельпэннинк ван дер Ойе Д., Миронюк С.А.* Быстрова Н.Е. «Русский вопрос» в 1917 – начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. М.: Институт российской истории РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2016. 368 с. (на англ. языке) // Вестник РУДН. Серия «История России». 2019. Т. 18. № 1. С. 182-186. (0,3 п.л./авт.: 0,2 п.л.)

4. *Миронюк С.А.* Контроль над Транссибирской железной дорогой как мотив участия Британии в союзной интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири в 1917-1919 гг. и ее роль в этой операции (на основе меморандума Дж.Н. Керзона «Сибирь» от 20 декабря 1919 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 458. С. 153-159. (0,8 п.л.)

в) Публикации в прочих изданиях:

5. *Миронюк С.А.* Интервенция стран Антанты и их союзников в Россию как фактор Гражданской войны (март–ноябрь 1918 г.) (К столетию начала интервенции) // Гражданские конфликты и гражданские войны в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: Сборник материалов Восьмой международной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2018» (Москва, РГАСПИ, 2018 г.). М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 282-285. (0,3 п.л.)

6. *Миронюк С.А.* Роль Великобритании в организации интервенции на Дальний Восток и в Сибирь (март-июль 1918 г.) // Роль и значение РУДН в системе международного образования: материалы XX Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. (Москва, 18 мая 2018 г.). М.: РУДН, 2018. С. 82–88. (0,3 п.л.)

7. *Миронюк С.А.* Британская военная интервенция в России и ее завершение (ноябрь 1918 – июль 1919 гг.) (на основе документов, хранящихся в Национальном архиве Соединенного Королевства) // *Левые идеологии, движения и организации в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: Сборник материалов Девятой международной конференции молодых ученых и специалистов «Сlio-2019».* (Москва, РГАСПИ, 2019 г.), М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 293-295. (0,2 п.л.)

8. *Миронюк С.А.* Участие и роль Британии в выработке решений Лондонской межсоюзной конференции по «русскому вопросу» (11-13 декабря 1919 г.) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история.* 2019. Т. 11. № 4. С. 351-360. (0,6 п.л.)

9. *Миронюк С.А.* Заседание Имперского военного кабинета 31 декабря 1918 г. и его значение для дальнейшего выстраивания британской политики интервенции в России // *60 лет Российскому университету дружбы народов: история страны в истории университета: материалы XXII Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых.* (Москва, 12 октября 2020 г.). М.: РУДН, 2020. С. 74-83. (0,4 п.л.)

10. *Миронюк С.А.* Участие Франции в союзной интервенции в России в контексте развития российско-французских отношений и выявление роли Британии в иностранной интервенции в России // *60 лет Российскому университету дружбы народов: история страны в истории университета: материалы XXII Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых.* (Москва, 12 октября 2020 г.). М.: РУДН, 2020. С. 84-91. (0,3 п.л.)

МИРОНЮК СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ (РОССИЯ)

**ИНТЕРВЕНЦИЯ В РОССИЮ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУССИЯХ
ПРАВЯЩИХ КРУГОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ (1917-1919 гг.)**

Диссертационное исследование посвящено изучению влияния политических дискуссий в среде правящих кругов Великобритании на формирование политики интервенции в России в период 1917–1919 гг. Автор рассматривает возникновение в британских правящих кругах идеи интервенции в Россию (ноябрь 1917 г. – май 1918 г.), реализацию плана интервенции и ее трансформацию (май – декабрь 1918 г.), а также прекращение политики интервенции и дискуссий по этому вопросу в Соединенном Королевстве и Антанте в 1919 г. Делаются выводы об изменениях мотивов и целей участия Великобритании в интервенции на различных ее этапах.

MIRONYUK SERGEI ALEKSEYEVICH (RUSSIA)

**INTERVENTION INTO RUSSIA IN THE POLITICAL DISCUSSIONS OF THE
GREAT BRITAIN'S RULING CIRCLES (1917-1919)**

The dissertation research is devoted to the influence of the political discussions of British ruling circles on the formation of the intervention policy in Russia during 1917–1919. The author examines the emergence of the intervention in Russia idea in November 1917 – May 1918, the implementation of the intervention plan and its transformation in May – December 1918, as well as the termination of the policy of intervention and discussions on this issue in the United Kingdom and the Entente in 1919. Conclusions are drawn about changes in the motives and goals of the UK's participation in the intervention at its various stages.